

ПРОСТАВЛЯЕТ
с
БИБЛИОТЕКА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Орган парткома, ректората,
комитета ВЛКСМ, профкома
и профкома студентов
Ярославского государственного
университета

Ярославский УНИВЕРСИТЕТ

в 1988 году
Газета основана

№ 19-20 (187-188)

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 МАЯ 1990 ГОДА

Выходит один раз в неделю

Цена 2 коп.

9 мая—
45 лет
Великой
Победы

Павшим героям забвения
нет:
Смелый живет всегда!
Звезда угасает,
но тысячи лет
Свет свой струит звезда.

Несмотря на обилие литературы о Великой Отечественной войне, многие ее страницы так и не получили должного, правдивого освещения. Объясняется это, как мне представляется, комплекснейшим, нередко конъюнктурным подходом к изучению истории войны. Одно время, например, увлеклись выяснением «онопыной правды», но кому-то она показалась чересчур жуткой и не патриотичной, и ее оставили. Некоторые историки и журналисты вдруг принялись дискутировать о том, что если бы войска пошли бы не так, а как-то по-другому, то и потерь было бы меньше, и победа была бы ближе. Неправданным было возвышение отдельных политработников, ставших потом государственными деятелями, а так же забвение популярных среди солдат полководцев и возникшая неслучайно мода на «малую землю». Сейчас в связи с известными событиями в Восточной Европе похоже муссируются разговоры о том, нужен ли было освободить эти страны? Не была ли заложена в этой освободительной миссии мина замедленного действия, вымывавшая наше последующее отставание? Не потому ли, глядя на пустые полки наших магазинов некоторые начинают задумываться: победители мы или побежденные? Все это больно отзывается в сердцах бывших воинов.

Война — событие мнущей истории. Ее не переиграешь, но уроки ее нужно усвоить.

Нынешнее поколение молодежи имеет для этого уникальную возможность: живы еще участники боев и сражений Великой Отечественной, от них многое можно выве-

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЕ

ПОБЕДИТЕЛИ ИЛИ ПОБЕЖДЕННЫЕ?

дать для того, чтобы передать последующим поколениям. Но приходится горько сознавать, что у нынешнего поколения молодежи, в том числе и студентов, интерес к героическому прошлому страны сильно упал. Редкостью стали встречи с ветеранами войны и труда.

Как-то, обращая ко мне, один студент сказал: «От участников войны и пошло двоедушие. На войне они кричали: «За Родину, за Сталина», а потом сами стали Сталина «разоблачать». Что тут скажешь?»

Когда война старивалась на Жуликовскую битву, они целовали крест, клялись умереть, но извратить страну от чужеземного ига. Под Бородином офицеры припадали на колени и целовали полковые знамена. А вот на другой день после сражения под Прохоровкой на поле вышли женщины для того, чтобы хоронить погибших. Женщин попросили собрать партийные и комсомольские билеты. Их было собрано пять мешков! И это на небольшом поле под Курском! Для воинов, отправлявшихся на смертный бой с фашистами, это были святыни.

Помните, как в завязавшемся споре профессор-обществовед с пенкой у рта пытался убедить, что солдаты Великой Отечественной войны шли в бой с именем Сталина и что будто бы на по-

ле боя все время раздавались возгласы, прославлявшие вождя. Только потом выяснилось, что уважаемый профессор всю войну пробыл в Сибири и об Отечественной войне знает понаслышке.

Иной раз пытаюсь припомнить, к чему призывали нас в том или ином конкретном бою. В боях на Тереке я, командир батареи, на время превратился в пехотного офицера. Немцы сбивали нас с позиций, и мы бежали от них не менее километра, а затем собрались с силами и поднялись в контратаку. Но фашисты не попятились, а продолжали идти навстречу с нами. Вот уже и лица видны, всматриваемся друг в друга. Тут вспомнил о своих командирских обязанностях и во все горло крикнул: «Бей блей!» Этот ключ довоенных мальчишеских потасовок вывел из оцепенения, и солдаты бросились на врага.

Я вовсе не хочу сказать, что не было других воодушевляющих призывов. Но мне лично чаще всего приходилось слышать, как командир роты, поднимаясь в атаку, призывал: «Вперед, за мной Ура-а!»

От студентов же приходилось слышать и такое: «Командиры были молодые, неопытные, даже вчерашние школьники. Потому-то и потери у нас были большие». Резон в этом конечно же есть. Я и сам в 18 лет стал

командиром батареи. Но меня в данном случае волнует другое. После тяжелых и неудачных для нас приграничных сражений большая часть нашей кадровой армии попала в плен. И в этот момент молодежь подалась в армию, чтобы заслонить собой страну. Жертвенность ее не может быть забыта.

Да и не такими уж неумехами мы были. Помню комбата-3 Моисеева. Я радовался, когда он был моим соседом. Хладнокровный и надежный в бою, он словно был создан для войны. Однажды судьба чуть не повела нас в один трагический узел. Отдав нам приказ на отступление, командир полка сробел перед высоким начальством, заявив, что отступаем мы самовольно. Помог нам только случай. А вот комбату-2 Бузукину такого случая не представилось. Смену позиции в бою приняли за отступление. Пресловутый приказ наркома № 227, о котором так много спорят историки, тлкнуло произошел по мнению командирам такого ранга, не затронув командующих армий и фронтами.

Конечно, сегодня многое видится иначе. Но никогда не померкнет слава народа и его вооруженных сил, отстаивавших свободу и независимость своей Родины.

В. АНДРИАНОВ,
доцент кафедры истории
ИИСС.

ДИСКУССИОННЫЕ ЗАМЕТКИ К ДНЮ ПЕЧАТИ

К вопросу о девизах

Во времена подъема общественного движения роль печати, как мощного идеологического оружия, существенно возрастает. Так, если за 1900—1904 гг. вышло 28 марксистских периодических изданий, то в годы первой российской революции вышло около 150 большевистских газет и журналов. В 1905—1907 гг. было издано свыше 1000 наименований листовок с общим тиражом в миллионы экземпляров. Прокламации представляли собой узкий лист бумаги, отпущенный или на типографском станке, или на mimeографе, или на гектографе. Пламенные слова сплотивались пробуждению и воспитанию масс, сплачивали народ для решительной борьбы с самодержавием. Каждая социал-демократическая листовка той поры имела гриф: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Печатался он в правом верхнем углу

прокламации, заголовок ее давался ниже. Под основным текстом помещались лозунги, среди которых два были постоянными: «Долой самодержавие!», «Да здравствует Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права!»

Интересны девизы, под которыми выходили газеты. Известно, что «Искра» помещала в верхней части первой полосы слова, объясняющие и объясняющие название: «Из искры возгорится пламя!» — стихотворная строка из ответа ссыльных декабристов на послание А. С. Пушкина.

Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», впервые выданный К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1847 году, помещался в ленинских заграничных периодических изданиях «Вперед» (декабрь, 1904 — май 1905 г.) и «Пролетарий» (май — ноябрь 1905 г.), больше-

вистской подпольной газете «Пролетарий» (1906—1909 гг.). Выходящий в Париже орган ЦК РСДРП «Социал-демократ» (1906—1917 гг.) также имел этот призыв. В дооктябрьские годы его помещали многие социал-демократические издания большевистского, меньшевистского, центристского направлений.

В «Правде» лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» появился почти через пять лет со дня ее основания — 5 марта 1917 года. Тот же призыв был в верхней части первой полосы в газетах меньшевистского толка, издававшихся в 1917—1918 гг. Среди них можно отметить газету «Новая жизнь», в редакции которой активное участие принимал А. М. Горький, помещавший там свои ныне знаменитые «Несовременные мысли», и Н. Н. Суханова. Именно в ней была помещена заметка «Ю. Каменев

о выступлении», в которой Л. Б. Каменев от себя лично и от имени Г. Е. Зиновьева заявил о несогласии с решением ЦК о вооруженном восстании.

После Февраля и Октября в печатных изданиях большевиков исчезает призыв «Долой самодержавие», как утративший свой смысл, о дореволюционной действительности Учредительному собранию как-то само собой забылось.

С июня 1945 года, после Дня Победы, газета «Красная Звезда» стала выходить под девизом: «За нашу Советскую Родину!» Он сохранился до наших дней и в силу последних событий, очевидно, вновь приобрел актуальность. Что же касается призыва основоположников марксизма-ленинизма, под которым сейчас выходит не только орган ЦК КПСС «Правда» (это еще можно объяснить данью традиции, стремлением выразить связь времен), но и газеты государственных, советских, профсоюзных, комсомольских органов — «Известия Советов народных депутатов СССР», «Комсомольская Правда», «Труд» и даже издание Госкомспорта СССР

«Советский спорт», подавляющее большинство многотиражек, среди которых и «Ярославский университет» (причем здесь пролетарий?), то он не соответствует сегодняшним реалиям.

Перестройка, связанная с бурным ростом общественного движения, вывела к жизни целый ряд новых изданий. Активизировалась неформальная пресса. Оправдываются слова К. Маркса: «Деморализующим образом действует одна только подцензурная печать. Величайший порок — лицемерие — от нее неотделим; из этого ее коренного порока проистекают и все остальные ее недостатки. Правительство слышит только свой собственный голос, оно знает, что слышит свой собственный голос и тем не менее оно поддерживает в себе самообман, будто слышит голос народа и требует также и от народа, чтобы и он поддерживал этот самообман».

Ю. ИЕРУСАЛИМСКИЙ,
доцент кафедры истории
СССР, кандидат исторических наук.

„Нам общая слава России

Впервые о П. Г. Ошмаринове я услышал в 1969 году. В ту пору я был аспирантом Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР во Владивостоке, а он директором академического биологического почвенного института, доктором биологических наук. Однажды в здании академии увидел объявление о закрытом партийном собрании. Новостка включала два вопроса: положение в Китае, второй — персональное дело.

Собрание носило таинственный и тревожный характер. Сначала лектор крайкома партии рассказал о событиях в Китае, где Мао Цзедун и его приспешники вновь разворачивали «культурную революцию», сопровождающуюся провокациями на наших границах, а также против советских дипломатов. Но все это мы знали, может быть и не столь подробно, из прессы. Насторожил этой новосткой вопрос. Это было время расцвета брежневщины. Советские танки остановили пражскую весну 1968 года. Поворот к неосталинизму ощущался во всем. Под тотальный надзор были взяты вузы, академические учреждения. Слова о бдительности по отношению к восточному соседу во Владивостоке оборачивались «бдительностью» и по отношению ко всем думающим внутри страны. Вот второй вопрос и был связан с этой «бдительностью». Оказалось, что в богом спасаемый Дальневосточный филиал вкралась крамола. После выступления в академгородке писателя К. Симонова, давшего высокую оценку роману А. И. Солженицына «Раковый корпус», и выпустившего за его публикацию в нашей печати, группа сотрудников филиала достала один экземпляр этой книги, размножила его в пяти копиях; на собраниях их, конечно, обвинили в корысти, в желании нажиться на такой грязной антисоветской «стрижке». Хотя речь шла о фамилиях не вызвавших сомнений в своей порядочности.

В прениях выступали многие. Каждый хотел засвидетельствовать перед начальством свою лояльность и преданность. Ругали «Раковый корпус», не читая. Хвалили «Один день Ивана Денисовича» этого же автора. Даже секретарь парткома Аза Сергеевна говорила, что первое произведение Солженицына — это вещь. А вторая — шлепок грязь. И вдруг прозвучала фамилия Ошмаринова. Выступая, один из научных руководителей, безусловно уважаемый и почитаемый, сказал:

— Меня удивляет, что даже такой порядочный и

честный человек, как Петр Григорьевич, — прочитав этот пасквиль, не пришел в партком, хотя он и беспартийный, и не сказал: — Аза Сергеевна, вот попала мне какая-то дрянь, и я пришел поговорить по ее поводу...

Меня это удивило. Первым же вопросом Аза Сергеевна могла быть. — А где вы эту дрянь взяли. А дальше известное: «и пошла писать губерния».

Мое «решение» в тот период было весьма шатким. После знакомства с сыном командарма Петром Якиром в Томске я был немедленно отозван оттуда и находился летом 1968 года в глубокой «опале». И я не выступил ни «за», ни «против». Аспирантура моя висела на волоске. И мой учитель, так выступивший на собрании, делал многое, чтобы отстоять ме-

СЛОВО О ВЕТЕРАНЕ

ПОРЯДОЧНОСТЬ

ни, ходившего в неблагонадежных. Не случайно в перерыве ко мне подошел самый пустой и бездарный, но зато самый «идейный» из наших аспирантов и сказал: — Что ты не каешься? Я был после тебя в Томске. Все говорят, что ты водку пил с диссидентом-антисоветчиком. (Это была чистейшая ложь). Но таковы были в то время нравы.

С тех пор недонесший о книге Солженицына, гулявшей по моему институту, П. Г. Ошмаринов стал в моих глазах одним из порядочных людей. Потом он куда-то уехал.

В 1973 году судьба забросила меня в Ярославль. И велико же было мое удивление, когда я узнал, что невеста куда пропавший П. Г. Ошмаринов тоже трудится здесь. Виделись мы в эти годы случайно. Перебрасывались парой другой фраз. А этой зимой председатель Совета ветеранов вуза И. А. Гончаров попросил меня написать о П. Г. Ошмаринове, участнике войны.

Петр Григорьевич проработал в университете пятнадцать лет, заведовал кафедрой биологии, был рядовым профессором. Вот уже пять лет — на заслуженном отдыхе. Мы встретились в его квартире, украшенной дальневосточным красавцем фазаном, искусно реставрированным одним из его учеников, оживляемой писком живых канареек и пестрым попугайчиком. Книжки, рукописи заполняют его рабочий стол. Мы говорим о

войне. Из всего рассказанного мне больше всего запомнился первый бой, о котором Ошмаринов не может забыть. Весть о войне, — говорит Петр Григорьевич, — встретил я в Иркутске. За плечами был педагогический институт. Нападение немцев даже не ошеломило, а удивило. — Как они могли решиться на столь самоубийственный шаг, разве не знают, что от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее, как это пелось в песне. Да мы их! Отрезвление пришло позже, когда в его подразделение радиосвязи прибыл боец, уже понохавший пороку. Он с болью рассказывал о наших отступающих частях, вражеских самолетах, висевших мошарой над густыми толпами беженцев, словно скошенное сено, падавших под пулеметным огнем сверху, о

побегу туда. Не мое дело это, химика, бежать. Пойду назад (позже он скажет, что Ошмаринов бежал очень быстро, и он просто не поспевая за ним, вернулся).

Петр Григорьевич шел один. Навстречу шли раненые, опираясь на винтовки, а то и вовсе без оружия. Вот и Дон. Река уже замерзла. Дорогу на высокий берег, занятый немцами, показывали, словно пунктиром, тела наших лавших бойцов, уже занявших плацдарм. Мины оставляли аккуратные отверстия, словно проведенные циркулем во льду. Вот и высокий берег. Здесь Петр Григорьевич увидел солдат. Двое из них сидели на саях, словно дровами нагруженных противотанковыми ружьями, видимо, не торопясь к переднему краю.

Добежав до наблюдатель-

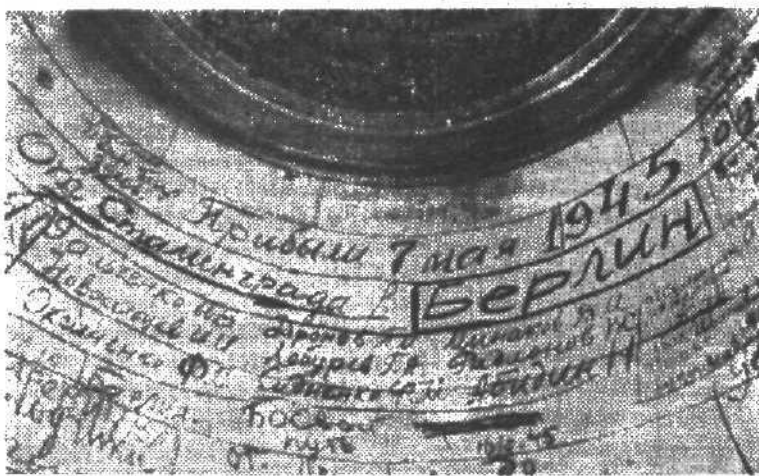
на дно траншеи. Выстрел, скорее всего, снайпера, сразил его наповал. — Почему нет огня. — передал Ошмаринов в полк. — Как нет, ответили оттуда. По противнику выпущено 116 снарядов. Однако никто из присутствовавших на НП не увидел ни одного разрыва. Видимо, стреляли по дальним тылам. До сих пор в толк не возьму, — говорит Петр Григорьевич — куда они стреляли. Ведь разрыв тяжелой 122 мм гранаты поднимает облака земли и пыли. А здесь ни одного фонтана.

Итальянские танкетки, уничтожив значительную часть стрелкового полка, безнаказанно ушли. — Хотя бы одна броневика была, потом ведь такие машины, сам видел, как сквозь процивали пэтроницы, — рассказывает мой собеседник. Рядом в траншею три средних командира стреляли из винтовок по вражеским позициям, радостно оживляясь при попадании. — И как они различают, где свой, где чужие в этом аду — думал Ошмаринов. Это ведь был его первый бой.

Из полка Ошмаринову передали, чтобы он возвращался назад. Петр Григорьевич решил восстановить и телефонную линию. Схватив провод в руку, он побежал назад. Линия была посечена осколками во многих местах. Соединяя кусками ее из других обрывов, он в сумерках уже не мог различить, где своя, а где чужие линии связи. Поэтому добежав до дерева, привязал провод к стволу, чтобы назавтра продолжить эту работу и вернуться в полк. Так закончился первый, наиболее памятный бой Петра Григорьевича. Вызвали к командиру. Дождал ему об увиденном. Тот выслушал, а затем без комментариев сказал: — Иди. За исправление связи его представили к медали. Потом он видел много других боев. И с радостью убеждался, что беспорядка становилось меньше. Неострельный полк, растерявшийся бойцы и командиры становятся бывшими воинами.

...Я слушаю его рассказ, в котором нет ни капли иронии, стремления шегольнуть своим боевым прошлым, и думаю, что главное в этом искреннем человеке — высокая порядочность как на войне, так и в мирной жизни, как на том партсобрании, — которая стала ясно всем уже в далеком 1969 году, во времена недобрые, застойные, когда Петр Григорьевич не пошел к Азе Сергеевне рассказывать о той «дряни», что попала в его руки.

А. ЧУКАРЕВ.

На первом снимке: Берлин, рейхстаг, 9 мая 1945 года.

Репрод. с фото Е. Тихонова. (Фотохроника ТАСС).

5 июня 1945 года была подписана Декларация, в которой юридически оформлена капитуляция фашистской Германии. Под историческим документом стояла подпись маршала Г. К. Жукова.

На нижнем снимке: во время подписания Декларации.

Репрод. с фото Е. Халдея. (Фотохроника ТАСС).

«Солдатской наградой была»

О. КУЧМИН.

Весна 43-го

(воспоминания фронтовика)

Над Сталинградом —
воздух чистый,
Без самолетов горизонт,
И воинво-артиллеристов.
Ведет приказ на новый фронт.

На запад их несут колеса.
Слышна гармонь —
и песня, влад.
От паровоза дым белесый
Под ветром стелется назад.

Молчат до времени орудья,
К платформам прочно
креплены.

Но скоро вновь узняют
люди,
Как загрохочет бог войны.

Как запылают «фердинанды»,
И «тигры» обратятся в пом,
И под советскую команду
Враг зашегал в плен гуртом.

Победа свет — над отчим
краем,
Хотя она и не близка...

Ю. КУКУШКИН

СХВАТКА

(Из повести «Курсанты»)

И только тогда, когда танк во весь свой рост появился на ближайшем холме и стали отчетливо видны желтые, обреченные черным, кресты, особенно выделяющиеся на башне, а также отскакивающая от гусениц темная грязь, Юсин, поймав в прицел панорамы башню со свастикой, грубо рванул спуск орудия, как живое, вздрогнуло, ствол отвалился назад, а затем вернулся в прежнее положение. В нос ударил едкий запах пороха — снаряд попал в цель. Из средней части танка вырвался огонь и дым. Почти одновременно, с опозданием на несколько мгновений, Юсина ослепила яркая вспышка, и он ощутил резкий толчок в грудь. В тот же миг потерял сознание — полетел куда-то вниз. Как после кошмарного сна, в поту, с чувством тошноты, слабости и головокружения, пришел в себя, с трудом открыл глаза. Приподнявшись на локтях, огляделся — определил, что лежит на дне хода сообщения с обвалившимся, видимо, от снаряда бруствером, зажатый землей, без пилотки и каски. Рядом, на спине, с запрокинутой головой и с бледным, как у мертвеца, лицом, с разорванной, особенно на груди, животе, боках, шинели лежал Миша Воронцов, заряжающий его расчета.

Юсин, преодолевая головокружение, первый приподнялся на коленях и, взяв его голову обеими руками, прижал к своей груди. Затем приподнял его, посадил так, чтобы спина уперлась в стенку хода, стал осматривать: нет ли ран. Нет, ран нигде не обнаружил. Юсин припал к лицу Воронцова и стал шептать: «Миша, милый, Миша, очнись! Что с тобой?» Наконец, всем своим существом, он старался понять нависшую над другом опасность, боясь, что он ему не ответит, и, может быть, никогда не ответит... Прошло еще несколько мгновений, Миша безмолвно, с закрыты-

Дойдем не все —
мы это знаем,
Но долг исполним. А пока —

Зовут, зовут Украины хаты
И белоруссов тяжкий стон.
И машут, машут вслед
дочата,
Наш провожая эшелон.

Дорогой дальней...

Чем больше очередь годов,
Тем меньше нас —
фронтовиков.

Настанет год,
наступит миг —
Умрет последний фронтовик.

И будет это мирным днем,
А он погибнет от войны:
Кто был на фронте,
тот потом
Уже не знает тишины.

И значит, он не отдохнет,
Не в силах обрести покой,
И с трудной думою уйдет
Дорогой дальней,
фронтовой...

Творчество ветеранов

ЛЕЙТЕНАНТ ПЕХОТЫ

Когда фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, Иосифу Михайловичу Майорову не было еще и 17. Он успел окончить только 8 классов в своем родном г. Клинцы Брянской области. Война круто изменила всю дальнейшую жизнь. Старшеклассников вместе со взрослыми женщинами и пожилыми мужчинами, привлекли на сооружение оборонительных рубежей, Иосиф со сверстниками копал противотанковые рвы под Рославлем. С непривычки от переутомления ныла спина, болели руки, и мозолих были ладони, но ребята скрывали свою усталость, старались выполнить нелегкую норму.

Маленький, нетерпеливый районный центр Клинцы в дни войны походил на растревоженный муравейник. На запад в сизой стали чтиковши колонны красноармейцев. Машины и лошади тянули пушки, везли мины, боеприпасы. Тишину городка нарушал грохот танков. А на юсток уезжали, уходили жители Клинцов, беженцы. Недалеко от города были уже фашисты.

Майоров эвакуировался в Таинскую область, в совхоз «Бонут». Иосифа Михайловича и мать определили убраться на полях-гузолах — стебли хлопка, отца — возчиком на лошади.

Как и все в совхозе, семья Майоровых тяжело переживала тревожные вести с фронта. Прослушав сводки Совинформбюро, горестно вздыхали: Советская Армия отступала. Разгром немцев под Москвой зимой 1941 года стал для бойцовцев праздником.

Слышали, как фашистам дали? — радостно спрашивали друг у друга и с удовольствием добавляли. Погнались, наконец-то, гадон.

Мирная жизнь в тылу, когда другие вари, почти его ровесники, сражались с врагом, угнетала Иосифа Михайловича. Он много раз писал заявления в военкомат с просьбой направить добровольцем на фронт, но Хопатовский районкомат каждый раз отказывал: подожди, не вышел еще твой возраст. Весной 1942 года в армию ушел отец, а вскоре в военкомате выли просьбы Иосифа Михайловича. «Будете учиться в Ашхабадском пехотном училище. На фронт съедете командиром».

— сказали ему. Быстро шло время напряженной учебы. Приближались выпускные экзамены. Мыслию он видел себя уже лейтенантом с двумя кубиками в петлицах... И вдруг неожиданный приказ. Училище срочно погрузили в эшелон и направили на Брянский фронт. Курсанты ехали воевать рядовыми.

В то время очень неблагоприятно сложилась обстановка для наших войск на южном крыле фронта. В мае 1942 г. неудачно закончилась операция советских войск по освобождению Харькова. Брянский, Юго-Западный и Южный фронты понесли боль-

шие потери и нуждались в срочном пополнении людьми и техникой. Резервов не хватало. Поэтому в срочном порядке сюда и направили Ашхабадское пехотное училище.

Гитлеровское командование планировало летом 1942 г. уничтожить советские войска, прикрывающие воронежское направление, затем окружить войска Юго-Западного фронта, овладеть правым берегом Дона у Излучины, прорваться к Волге. Организовав прикрытие с севера по рубежу Дона, наступать на Северный Кавказ. В конце июня немецкие войска начали наступление. Они прорвали оборону Брянского и Юго-Западного фронтов. За месяц летнего наступления на южном направлении фашисты заняли Донбасс, вышли к большой излучине Дона и создали непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу.

Когда курсанты прибыли на Брянский фронт, войска руководствовались приказом Народного комиссара обороны: «Ни шагу назад!» Жестко пресекались вредные настроения тех, кто считал, что Советский Союз велик, можно отступать до выгодных оборонительных рубежей.

Уже в первых боях Иосиф Михайлович видел много примеров самоотверженности и героизма бойцов и командиров. До последнего патрона защищали они каждую пядь советской земли. Рядовой И. Майоров быстро привык к боевой обстановке, стойко держался на передовой. Когда положение на фронте улучшилось, его в составе группы отличившихся бойцов направили на курсы младших лейтенантов при штабе Брянского фронта. Срок подготовки был небольшой. Программа спрессована до предела. Занимались по 12—14 часов в сутки. Начальник курсов, подполковник Барабан, видел, как устают курсанты, подбадривал их суворовской пословицей «Тяжело в учении, легко в бою». Проверяя их готовность, обращал внимание на малейшие мелочи: какого выправка, чист ли подворотничок, постоянно внушал: «Война не терпит неучей, хлюпиков и рохлей». Эти слова годы спустя вспоминал Иосиф Михайлович.

Командир стрелкового взвода младший лейтенант Майоров участвовал в тяжелых боях на Брянском фронте. Он показывал бойцам, особенно молодым, пример выдержки и мужества. «Врага бояться не надо», — ставил он своих солдат. — Он сам нас должен бояться. Если ты напуган — значит побежден». Не раз приходилось ему поднимать бойцов в атаку. И всегда сильнее страза смерти после боя были мучительные переживания потери личного состава. Бой были очень жестокими. За короткое время взвод несколько раз получал пополнение из резерва. Вскоре от матери пришло печальное письмо:

С праздником,
дорогие
ветераны!
Счастья вам,
здоровья,
долгих лет
жизни!

под Сталинградом погиб отец. Иосиф Михайлович читал и перечитывал строки, залитые слезами матери. Сердце больно сжималось, на душе было горько, тоскливо. Но он уже хорошо понимал: война без утрат не бывает.

Весной 1943 г. на Брянской земле шел бой за безымянную высоту. Находясь в первых рядах атакующей цепи, Иосиф Михайлович, уязвая в мокром снегу, бежал впереди и, срывающимся, хриплым голосом кричал: «За Родину! Ура!» В пылу боя он не обратил внимания на обжигающий резкий толчок в ногу. Но жгучая боль разлилась по всему телу. Спотыкаясь, пробегая еще несколько метров и беспомощно понавалив на землю. Разрозненная стрельба еще некоторое время доносила до него. Потом все смолкло — он потерял сознание! 12 долгих часов пролежал И. М. Майоров в талом, весеннем снегу. Очнувшись, когда бой уже закончился. С первым проблеском сознания пришла мысль: «Надо пробираться к своим... Надо пробираться к своим... Надо...»

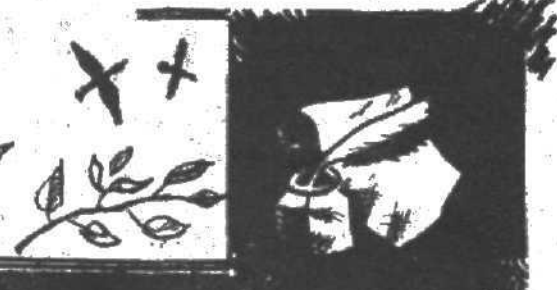
Потеря крови, боль, мучительная и сновывающая движения, земля, размытая дождями, изрытая воронками, наполненными талой водой, казались, не отпуская от себя, — все было против него. Но он знал: «Надо идти. Надо к своим, иначе конец». И он полз, терял сознание, вновь приходил в себя и снова полз. Час, два... 6 часов. Силы иссякли на исходе дня, но пальцы еще скрепили мокрую землю, но тело, вдавленное в грязь, отказывалось повиноваться. И вдруг услышал голоса... Но вместо радости избавления его ждало новое испытание — речь была немая: истерзанный болью младший лейтенант потерял ориентацию на местности. Ужас возможного плача отнял последние силы. Все потонуло в беспамятстве. Сумерки укрыли его от врагов. Ночной холод вскоре привел в себя, но сил ползти не было. И тогда сквозь затнутое пеленой сознание, младший лейтенант вновь услышал голоса... матери, сестер, любимой девушки. Они шептали ему: «Ты должен жить, ты должен идти. Ради нас...»

Он с трудом развинулся и еще медленнее повола обратно. Сколько полз — не помнит. Девочка санитарка тор подобрала его уже совсем недалеко от наших позиций.

И. БЫКОВА.

Литературная СТРАНИЦА

Ю. ВЛАДИМИРОВ

Посвящение в воины Александра Невского

Опять пахнуло на меня
Тем героическим, далеким,
Чем жил я, от других
храм
Мотив души, большой,
высокий!

То образ Невского, из всех.
Из древних рыцарей, мне
ближе.
Не восхищаться им ведь
грех.
Хоть он и ростом был
понизе,
Чем все герои
прошлых лет.
Хотя, скажу: не в этом
сила,
А в том, что не было бы
бед,
Героев, может быть,
не было!

Но этот князь совсем
иной:
Его ведь жизнь и закалила,
А может, даже дух святой
И Божья Матерь
вдохновила.
Представь его еще юнцом,
Быльничкой в божьем чудном
храме.
Но меч тот, отданный
отцом,
Недаром был ему подарен!
Недаром меч при блеске
свеч
Был вложен в золотые
ножны.
Отца наказ: «Чтоб меч
сберечь —
Держать его повыше
должно!»

А князь, хоть был еще
юнцом
И милым мальчишкой,
как воин,
Наказ, что дан ему отцом,
Он выполнил вполне
достойно!

И потому был посвящен
Он в воины Руси Великой.
И враг сражен,
и отомщен,
И укрошен в порыве
дыном!

А. ПОНОМАРЕВ

МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ

История, история...
Какая ты — не скрою и:
Немного ты занятная,
Во многом непонятная,
Нелепая и бравая,
А в общем-то — кровавая.

Историю дурачат,
История страдает.
На ней так дико скачут,
Так больно погоняют,
Куда ее загонят.
Опущают иль прославят,
У храма останавливают,
Иль в грязный хлев
поставят?

Из лирических тетрадей

Р. ШАРИФ

Ожидание

Звонок. А вдруг?! Но нет,
не может быть, —
он так далек и обо мне
не знает...
Так кто же это?
Посмотреть? Открыть?
Но почему так сердце
замирает?
А руки не справляются
с замком,
как мысли не справляются
с догадкой,
и сердце в горле бьет
жизненным комком,
и в душу смутный страх
ползет украдкой.
Открыла дверь. Но что
это со мной?..
Боясь упасть, держусь
за ручку двери,
в тот миг я не узнала
голос свой,
воскликнув: «Ты?!»
и отказавшись верить.
Наверное, все это просто

сон,
но боже упаси меня
проснуться!
В дверях стоит такой
далекый — он,
а я, застыв, боюсь
пошевелиться...
А вдруг не сон?!
Мгновенье, подожди!
Я пережить обмана
не сумею!
И он прижал меня к своей
грудь,
И как ребенка утешал.
И выскользнув
из долгожданных рук,
Я молча обняла его
колени...
Я счастлива!!!
Остановись мгновенье!!!
Но сон растаял...
Тишина вокруг...
Ну как мне пробуждение
пережить? —
Страшнее казни нам оно
бывает.
Он так далек и обо мне
не знает.
И вдруг — звонок. Но нет,
не может быть...

Египет

Ночь черной летучей
мышью
коснулась крылом
огромным
горящей свечи заката,
и пламя погасло вдруг...
Из звезд золотистой пыли
и праной ночной прохлады
задумчивый странник —
ветер
новер расстелил вокруг...
Над древней страной
востока
зажглись голубые свечи

и словно в ночных озерах
застыли в твоих глазах...
Освещенной луны, украдкой,
Рисует художник — вечер
причудливые узоры
на смуглых твоих чертах...
Сорвавшись с ночного
неба,
устало звезда уснула,
закутавшись безнадежно
в твоих серебристых
кудрях.
О чудный цветок Востока!
Египет в ночных огнях...

На отдыхе.

Фото Д. Бахтина.

В. КРУЦЬ

Снова в деревне

Во дворе наседка квохчет, сердцем чувствуя беду.
Дед топор угрюмо точит. Бабка варит на меду
чудотворную настойку. Ноздри деду — ходуном.
За кобылой нашей, Зойкой, в поле кони — табуном.
Я смотрю на деда нежно из распахнутых сеней.
Сердце бьется безмятежно. Слышу завыванье свиней
и мычанье коровы; знать донть пришла пора.
Взглядом дед прошел сурово по лезвищу топора
и зажмурился, довольный. Верно: сабля — не топор!
Сжав ладью рукой мозольной, держит путь
на птичий двор.
Там, без всяких мотиваций, за наседкой семенит.
А наседка отдаваться в руки деду времени.
Шутни прочь теперь, ей богу,
— дед на рубище хитёр!
Прыг, да снак — наседке ногу
враз ногой к земле припер.
Хрюсь! Ни перышка на плахе. Наземь ухнула слеза.
Наш петух, забыв о страхе, глухо выгучил глаза.
И беспечен он, и молод; ишь, как ластится к рукам!
Знать, ему неведом голод по куриным потрохам.
Дед, закончив это дело, за махрой в чулан спешит.
Бабка курицу умело на жаркое потрошит.
Позже — стращает на кухне пироги, раскинув плед.
Подывая, — Эгей, ухнем! набивает трубку дед.
На крыльцо сажусь я ибёло. На помине легон кот.
До чего ж в деревне клёво! Жаль, не ездил целый год.
За рекой садится солнце, ало крася облака.
О ведёрочное донце бьются струйки молока.
Накрывает бабка ужин. Самовар почти поспел.
— На фи́га мне город нужен?

Оглянуться не успел:
глядь — уж ночь нежданой гостьей
бьется в ставни с ветерком.
Дед на печь возносит кости с трафаретным матерком.
Бабка бьет в углу поклоню. Я смотрю на образ
Богородицы с иконы скорбно смотрит мне в глаза.
Это знайт — день закончен.
Перед сном иду туда,
где находит, если хочет, чудо-дырочку вода.
И она ее находит. В Млечность, таинства полна,
хороводы звезд выводит желтопузая Луна.
Возвращаюсь в избу молча. Слышу бабкин сонный
бред.
Зубы мышь о плитус точит. Шептуна пускает дед.
Тихо ойкнула пружина. На диван ложусь, суров.
Надо мной кружит дружина чудосочных номеров.
Поздний час, а мне не спится.

Чу, стучат! И я затих.
За окном мелькнули лица грозных прадедов моих.
Голова моя — палата. И лежу от дум косяк.
Где ты, бука, что рогата? Где ты, старая с косяк?
Как с цепи, сорвались страхи.

Одеяло давит грудь.
По подушке букарахи в Неизвестность держат путь.
Их количество нечётно. Ну и дурни.
Нет, ты глянь:
— мне ж под майкою щекотно!
Засыпаю. Дело — дрянь.

Ночное происшествие

В дверь стучат, открываю — Чем обязан служить?
Мне башку отрываю! Жаль себя, мог бы жить!
Не спалось мне и, в общем, отозвался на стук...
Без башки, между прочим, все равно как без рук.

Я ору — что вы, братцы, это как понимать?!
Если нечем заняться, так зачем убивать!
Непорядочно ночью под дверями торчать!
По башке, между прочим, могут вам наступать!

А они одурели: сапогами стучат!
А они озверели, недовольно рычат —
Не шуми среди ночи, не вои дикарем!
Все равно, между прочим, мы башку оторвем!

Убеждать надоело. я уже не шучу:
Это ж мокрое дело! — Задыхаясь, кричу.
Настроение, в общем, не в прямую кишку:
Ведь мою, между прочим, отрывают башку!

Ну и если короче: мужички развлеклись!
Оторвали и, в общем, по домам разошлись...
Легкомысленно очень я судьбе доверял
И башку, между прочим, не за грош потерял!